

11 МАЯ 1987

КРАСНОЕ ЗНАМЯ
г. ТомскКРАСНОЕ
ЗНАМЯ

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА

Андрей Викторович Ланников с этого сезона — главный режиссер областного драматического театра. Приход нового лидера в художественный коллектив всегда связан с ожиданиями перемен, конечно же, в лучшую сторону. Какие задачи будут поставлены перед театром, что изменится в репертуарной политике, в чем видит конечную цель усилий главный режиссер, каковы его творческие пристрастия... Вопросов много. Наверное, на некоторые из них полно и беспристрастно ответит время, когда появятся новые постановки, и о них уже судить зрителю. А сейчас с именем Андрея Ланникова связано прекрасное слово — «надежда». Надежда — на новое мышление театра, на его обновление, на творчество. Разговор же наш начался с далекого не риторического вопроса: что такое сегодня профессия режиссера, бремя ее ответственности. Но сначала некоторые анкетные данные (правда, так получилось, что об этом я спросила Андрея Викторовича уже в конце встречи, спохватившись, что читателю надо все-таки представить собеседника). Итак...

— Мне 37 лет. Закончил Ленинградский институт театра, музыки и кино, режиссерский факультет. Много ездил. Архангельск, Камчатка, Южно-Сахалинск... Хотелось и мир посмотреть, и свои силы попробовать, но приезжал всегда не на пустое место. В том смысле, что в очередной театр меня приглашали друзья — у меня много друзей. Как складывалась в это время моя жизнь? Всякое было, в том числе и немало сложного, трудного. Случались творческие паузы, не все поставленные спектакли приносили радость и удовлетворение. Человек я не конфликтный, по крайней мере, разные закулисные интриги не выношу.

— Но в театре, кажется, нужен характер, особенно художественному руководителю.

— А я и не сказал, что у меня его нет. Человеку со слабой волей профессия режиссера просто противопоказана. Другое дело, что нельзя размениваться на мелкие обиды, глупые амбиции. Главное — работа, ради этого надо все отбросить и забыть. Но грустно, когда мало кто в чем заинтересован. Даже в творчестве. Вот это действительно почва для конфликтов. С этим положением я никак примириться не могу, тут я протестую.

— К сожалению, такие конфликты нередко заканчиваются тем, что «много требующий» режиссер должен покинуть театр.

— Несколько лет назад я вынужден был уйти из Новгородского драматического театра, где был главным режиссером. Сейчас много пишу и говорю о проводимом в театре экономическом эксперименте. Эксперимент заставляет театр о многом задуматься, самое главное — о своем успехе у зрителя. Он учит считать деньги. В числе первых проблем должна решиться и актерская проблема: улучшение его положения в театре, урегулирование зарплаты, повышение заинтересованности к работе. Вот это мучило меня в мой новгородский период. Вместе со своими единомышленниками я пытался претворить идеи в жизнь. На первых порах они были признаны целесообразными, я нашел поддержку. Потом кое-кому все эти перемены показались слишком хлопотными, беспоконными, ведь надо было много работать, действовать, отказаться от привычного, накатанного, размеренного...

Здравницы в мою честь кончились, надо было уезжать. Жаль, конечно, что дело тогда не удалось довести до конца. Но все-таки мы оказались правы. Жизнь это подтвердила. Так что в известном смысле и мы тогда в Новгороде прокладывали дорогу к новому. Наверное, где-то еще были подобные конфликты: новое прогрессивное всегда непросто пробивается в жизнь, вызывая сильное противодействие рутинеров и просто людей, не желающих утруждать себя.

— Как складывалась ваша творческая судьба потом?

— В основном были разовые постановки. Одни спектакли приносили успех, другие огорчали. Не могу сказать, что путь был усыпан розами... Потом мне предложили возглавить Воркутинский драматический театр. У этого города были свои ожидания, которые не всегда совпадали с моими поисками. Хотя я старался понять, что нужно людям, заполняющим по вечерам зал. Но, открывено говоря, мне хотелось поработать в городе, где высокий культурный потенциал, сложившиеся определенные театральные традиции.

— И вы приехали в Томск?

— Да, хотя были и другие предложения.

— Ваши первые впечатления: от города, от коллектива, в котором предстоит работать?

— Город понравился. Большое удовлетворение вызвало заинтересованное отношение руководителей области, города к вопросам культуры. Меня очень доброжелательно встретили, внимательно выслушали. Шел серьезный диалог. Во всем остальном пока еще не буду опережать события. Я встретился и побеседовал с каждым работником театра, думаю, что мы были взаимно открыты. Не могу сказать, что это внесло полную ясность, но было интересно. Общая культура театра высокая. Это радует. Все полны желания работать, все ждут, когда мы развернемся. И мы это сделаем. Хотя я должен отговориться: для этого необходимо время. Этот сезон будет сезоном проб, поисков... Важно найти взаимопонимание с коллективом, ведь один я сделать ничего не могу. Надеюсь на поддержку своих товарищей. Я за разнообразие в театре, но в русле гармонии и художественной соразмерности.

Сверхжесткая организация — упрощенная организация. Впрочем, не будем вдаваться в словесные дебри. Главное-то ведь дело. Оно все расставит по местам. Может быть, город наберется терпения?

— Если результат оправдает его. И успех, и неудача — все будет связано с именем режиссера. Вас это не пугает?

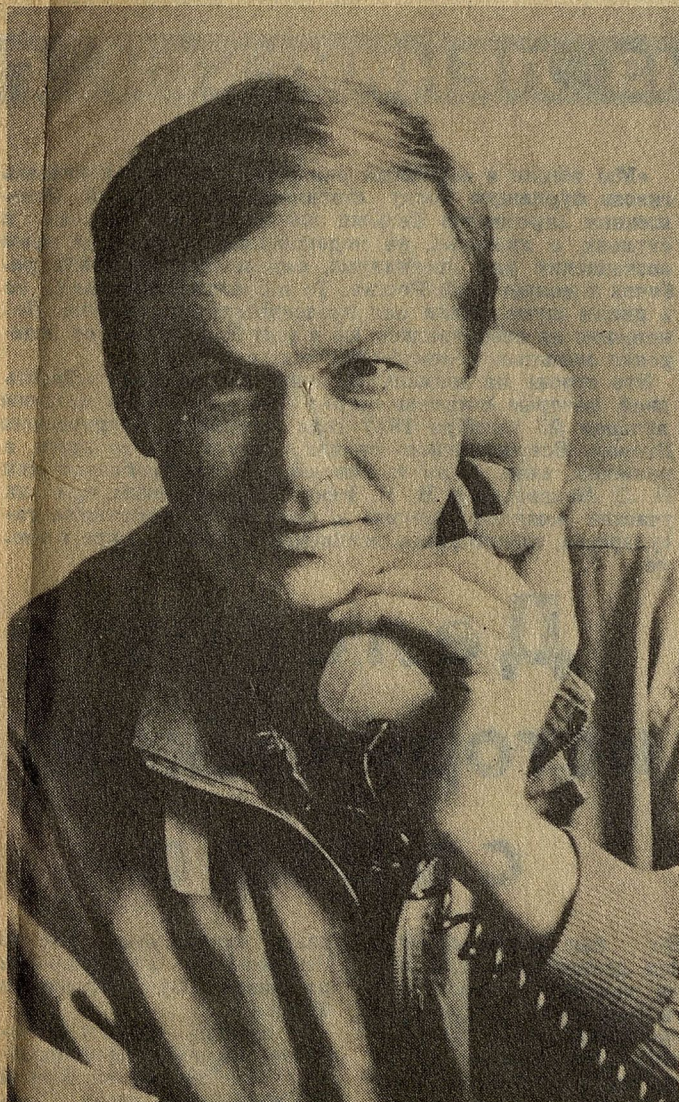
— Это моя профессия. Ответственности я никогда не пугался и брал ее на себя.

— Что такое профессия режиссера сегодня?

— Прихожу к выводу, что она исторически временная в известном смысле. Ее «обожествление» происходит лишь в период, когда нет великого драматурга. Какими бы большими мастерами ни были наши деятели театра, а в истории остаются театры Софокла, Шекспира, Мольера, Чехова. Остается «театр драматурга». Считаю, что в театре есть только одна правда — правда Драматурга. Появится ли такая личность сейчас и что она нам предложит? Трудно сказать. Пока же мы занимаемся комбинациями известного. Современники, пишущие для театра, не решают таких задач. Они невольно в плену увиденных спектаклей, сценических решений. Но много говорит за то, что процесс зарождения театра будущего начинается. Мы — предтечи. Наши возможности скромны, но задачи благородны. Поэтому пытаюсь создать театр, который поможет грядущему драматургу явиться чуть раньше, для меня увлекательно. Этим и хочется заниматься.

— И все-таки кто из драматургов вам ближе?

— Мне интересны многие. И те, кого принято называть бытописателями, и те, кто предлагает дистанцию между жизнью и художественным образом... Шекспир, например. Пушкин еще больше увеличивает эту дистанцию. Вспомним его театр... Если бы равно талантливо могли перенести его произведения на сцену! Мечтаю о «Борисе Годунове», хочу поставить спектакль не об истории, а о ее законах. Ведь «Годунов» — это сплошные загадки, по сути, пушкинский Борис Годунов ничего общего не имеет с реальным историческим прототипом. Но это работа будущего. Я не принадлежу к режиссерам, которые одним рычагом «поднимают» любой материал. Надо быть восприимчивым

к определенным законам определенной драматургии.

— В чем вы видите источник силы театрального искусства?

— Источник силы и жизни всякого искусства, как мне кажется, коренится в органической связи с народным творчеством. Приведу цитату из Пушкина: «Судьба человеческая, судьба народная — вот что должно разбиваться в трагедии, вот в чем ее значение и ценность». Лучше, по-моему, не скажешь. Суть, форма и содержание русского театра — зрелище о судьбе человеческой, судьбе народной. Мне представляется, что обращение к истокам полно и глубокого гражданского пафоса. Ведь чем протяженнее наша память, тем мы нравственнее. По-моему, для русского искусства никогда не было проблем, кто для него зритель. Русское искусство — сердечное. «Ставя вопросы», не забыть бы про самое простое: доставить радость, сердце потешить, душу потрясти. Если мы научимся извлекать радость из каждого мгновения бытия, мы научимся жить более интенсивно, творчески.

— Русский театр никогда не был элитарным, он демократичен по своей сути. Но понравиться зрителю, не обмануть его ожидания — эта задача не кажется вам мелкой?

— Она мне кажется честной.

— Что можно сказать о репертуаре предстоящего сезона?

— Пока скажу о самом ближайшем. В этом сезоне зрители встретятся со спектаклями по пьесам А. Воло-

дина, Т. Уайлдера, Ж.-Б. Мольера, Н. Мирошниченко (он работает над пьесой, в основу которой легли страницы жизни Н. Жульева). Сейчас идут репетиции спектакля «Метель» Л. Леонова, посвященного 70-летию Октября. Как определить главную тему? Что такое для нас Родина... В художественном мире Леонова нет ничего страшнее, чем потерять Родину. Люблю этого писателя.

— Как идет работа над спектаклем? Возникают ли сложности во взаимоотношениях с актерами?

— Они относятся ко мне с доверием. По-моему, так. Надеюсь, что в процессе работы наши отношения будут развиваться. Материал сложный, тем более что и пьеса эта не имела сценического успеха.

— А вы рассчитываете на успех?

— Во всяком случае, иначе не ставил бы спектакль. Конечно, могу предположить, что «Метель» не решит проблем кассы. Но я полагаю, что в театре должна быть и первая страница — содержательная. Вот и в «Литературной газете» далеко не все читают только шестнадцатую страницу, многие начинают с первой. Вы согласны?

На этот вопрос я ответить не успела — зазвонил телефон. Андрей Викторович, извинившись, поднял трубку. По-видимому, разговор предстоял долгий. А ответ? Он ясен. Первая страница нужна. Тем более содержательная.

Беседу вел
Н. МАСКИНА.

Фото Е. Лисицына.